

Николай Алексеевич Островский

Рожденные бурей

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Николай Алексеевич Островский

Рожденные бурей / Николай Алексеевич Островский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 146 с.

ISBN 978-5-4241-1980-4

«Рожденные бурей» — первая книга романа, задуманного Николаем Островским как трилогия — эпопея из истории гражданской войны на Украине, но автор успел закончить только первую часть трилогии.

В центре романа — молодой кочегар Андрий Птаха и его друзья, которые под руководством большевиков ведут борьбу против власти капитала, против иноземных захватчиков и изменников.

ISBN 978-5-4241-1980-4

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Николай Островский
РОЖДЕННЫЕ БУРЕЙ

РОЖДЕННЫЕ

БУРЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Легкий стук в дверь. Людвиг отвела глаза от книги и прислушалась. Мягкий, но настойчивый стук повторился. Так стучит только старик Юзеф осторожно и вкрадчиво, как бы заранее извиняясь за беспокойство. Людвиг невольно взглянула на стрелки старинных часов.

«Первый час... Что заставило старика придти так поздно?»

Том Жеромского соскользнул по одеялу на ковер и, попав в круг света от настольной лампы, засверкал золотом букв на переплете. Едва осязаемый холодок, не то от шелка кимоно, накинутого Людвигой на обнаженные плечи, не то от смутной тревоги, заставил ее вздрогнуть.

– Это ты, Юзеф?

– Я, ясновельможная пани.

Уже по тому, что старик лакей вошел в спальню, позабыв низко поклониться, и по его растерянному виду Людвиги поняла: случилось что-то необычное.

– Пан граф Эдвард приехал, графиня...

– Что ты сказал?... Эдвард?... Где же он? – почти шепотом спросила Людвиги, хотя ей казалось, что она закричала.

Людвиги ожидала всего, только не возвращения мужа. Несколько мгновений она пыталась овладеть голосом, но безуспешно. Не помня себя, она выбежала из комнаты. В огромной гостиной – тусклый свет от свечи, поставленной на рояле.

Человек в серой солдатской шинели снимал с плеч вещевую сумку. Он быстро повернулся на стук открывшейся двери. Людвиги инстинктивно запахла кимоно – перед ней, заслоня свет, стоял незнакомый мужчина в надвинутой до глаз смятой папахе. Взгляд Людвиги с удивлением остановился на окладистой бороде незнакомца. Схватив Людвигу за руки, солдат притянул ее к себе. Она отшатнулась, но мужские руки держали крепко.

Когда чужое бородатое лицо приблизилось к ее глазам, испуг исчез так же мгновенно, как и возник. Теперь ни папахы, ни безобразная борода не могли обмануть. Глаза Эдварда она узнала бы среди тысячи других глаз – его чуть прищуренные глаза и тонкие, изогнутые брови над ними. И все же это не был ее Эдди, всегда такой элегантный, сверкающий золотом эполет гвардейский полковник.

Теперь от его усов и бороды, от грязной одежды несло едким запахом махорки и отвратительными испарениями мокрой шинели.

Могельницкий понял состояние жены. Поцеловав пушистый локон у виска, а не вздрагивающие пухлые губы, он отпустил ее. Рядом стоял вошедший Юзеф.

– Это он виноват, что я встречаю тебя в таком виде. Юзеф не должен был говорить тебе о моем приезде, пока я не вымылся и не переоделся, – тихо, как бы извиняясь, сказал Эдвард, снимая папаху. Устало провел рукой по спутавшимся волосам. Это знакомое движение пробудило в Людвиге чувство прежней близости к мужу. Ей стало больно, что грязная одежда и непривлекательная внешность дорогого человека на минуту возбудили в ней отвращение. Забыв о присутствии Юзефа, она прижалась к мужу и, охватив руками его голову, целовала родные,

неизменившиеся глаза. И теперь уже он отодвигал ее от себя, осторожно, но решительно:

– Потом, Людвись, потом... Я должен снять с себя всю эту гадость, а главное – вымыться. Мне кажется, грязь насквозь пропитала меня: последние два дня я ехал на паровозе и спал на угле, вернее – совсем не спал...

Когда через час Эдвард вошел в спальню жены, она снова удивилась: борода исчезла, но так же сбриты были и его вьющиеся волосы. Крупная, правильной формы голова с твердыми углами лба казалась отполированной. Он вновь не походил на себя, так как никогда раньше не брил головы, зная, что это ему не шло. Серый костюм, добытый Юзефом из старого графского гардероба, напоминал Людвиге о первых месяцах ее замужества, проведенных в Ницце. Там впервые она увидела его в штатском...

– Ну, теперь меня можно не бояться, радость моя, и даже поцеловать, – сказал он.

Утро прокралось в спальню серой полоской света, пропущенного неплотно задернутой занавесью. Людвиг проснулась, но, боясь разбудить мужа, не шевелилась, рассматривая спящего. Эдвард глубоко дышал, и в такт его дыханию шелковая сорочка вздымалась на широкой волосатой груди. Упрямый, с жесткими складками в уголках, рот был полуоткрыт. Бессонные ночи, постоянное ожидание опасности – все сказалось сразу. Усталый, опьянев от крепкого вина, обильной еды и ее ласк, он заснул, едва успев рассказать ей о самом главном.

Он здесь потому, что она здесь. Конечно, никогда он ее не забывал. И этот длинный и опасный путь из Парижа через два фронта пройден ради нее.

Правда, ему дали кое-какие поручения... Но разве он оставил бы Париж, работу в военном министерстве и подверг себя риску и лишениям, если бы его не ждала здесь самая красивая женщина Польши? Последние слова он произнес, засыпая.

Из того немногого, что успел рассказать ей муж, Людвиг поняла, что назревают большие события, и уже сама догадалась, что надвигается какая-то опасность – разрушительная, страшная, грозящая раздавить весь уклад, все основы ее жизни! И все же она была счастлива. Что бы ни случилось, пока он здесь, бояться нечего. Все, что нужно, будет решено и сделано им, как это всегда бывало прежде. За его широкие плечи она пряталась от необходимости решать самой какие-либо серьезные практические вопросы.

Эдвард проснулся так же неожиданно, как и заснул. Их взгляды встретились, и оба улыбнулись.

– Как ты думаешь, каково проснуться как раз в тот момент, когда чувствуешь, что тебя режут тупым ножом, и вдруг вместо бандитской рожи увидеть тебя?.. Но уже поздно, пора вставать.

– Закрой глаза, Эдвард, я сейчас оденусь.

Он снисходительно улыбнулся.

Поднял с ковра упавшую книгу, сделал вид, что читает. Жеромский. «Верная река». Романтика восстаний, самоотречения, верности... Она не изменилась. Все так же просит закрывать глаза. Взрослое дитя! Романтическое существо!..

В старинном палаццо¹ графов Могельницких, во всех его двадцати семи комнатах, начиналась обычная утренняя жизнь. Нижний этаж, часть которого занимала прислуга, уже давно проснулся. На кухне готовили завтрак. Две гор-

ничные и молодой лакей убрали вестибюль и большую гостиную. Наверху все еще спали. Горничная Людвиги, хорошенькая шестнадцатилетняя Хеля, внучка старого Юзефа, хотела убрать будуар своей хозяйки, но нашла дверь запертой. Она сказала об этом деду. Старик запретил тревожить пани графиню и производить сегодня уборку в ее комнатах.

Рассматривая знакомые дорогие безделушки на туалетном столике жены, Эдвард ожидал возвращения Людвиги. Она вскоре вошла вместе с Юзефом. Седая голова старика низко склонилась. Под синим казакином отчетливо обрисовались его худые лопатки. Юзеф служил Эдварду, когда тот был еще ребенком. Старик был предан графской семье, как бывают преданы лишь старые дворовые собаки, готовые броситься на каждого, кто попытается войти в хозяйский дом. Нельзя было представить себе палатцу без Юзефа, Могельницкие привыкли к нему так же, как к двум средневековым рыцарям в латах, стоявшим у входа в вестибюль. Фигуры рыцарей, как и Юзефы, переходили по наследству от поколения к поколению.

Старик был лакеем. И его сыновья и внуки, как бы по наследству, становились лакеями графов Могельницких. Пятнадцатилетним мальчиком Юзеф впервые стал служить деду Эдварда. Вот почему в отношениях с дворецким, которому Эдвард вполне доверял, он допускал известную близость.

– Ты все сделал, Юзеф, как я тебе сказал?

– Да, о приезде ясновельможного пана никому не известно. Я сам уберу комнаты графа. Вот, пожалуйста, ключ от той двери кабинета, что выходит в спальню ясновельможной пани. Со дня вашего отъезда туда никто, кроме меня и графини, не входил... Когда Хеля будет убирать комнаты, пусть ясновельможный пан побудет в своем кабинете. Конечно, внучка никому не скажет, но так будет лучше...

Юзеф говорил тихо, со старческой хрипотцой. Вглядываясь в его худое, с длинными седыми бакенбардами лицо, Эдвард только теперь заметил, как постарел он за последние три года.

– Очень хорошо, Юзеф. Теперь расскажи мне об этом немецком майоре. Как его зовут?

– Адольф Зонненбург, ясновельможный пане. Майор занимает комнату гувернера. У него есть денщик. Этот лайдак² всегда вертится на кухне и ночует вместе с Адамом в лакейской. Пан майор дворянского рода и, смею вам доложить, порядочный человек. Он запретил своим солдатам безобразничать на птичьем дворе, а то ведь они резали наших гусей, кур...

– Сколько немцев в имении? – перебил его Эдвард.

– Целый эскадрон. Уже месяц, как их кони едят наш овес. Его сиятельство сначала не разрешал, тогда немцы арестовали пана управляющего, и пришлось открыть амбары. Теперь, когда у нас поселился пан майор, немцы хоть сено стали добывать в деревнях, а то все наше...

– Где размещены солдаты?

– На фольварке.³

– Хорошо. Ты когда поедешь к отцу Иерониму? Я хочу сегодня же с ним видеться.

– Сейчас поеду. Больше никаких приказаний не будет?

– Нет.

У двери Юзеф задержался.

– Отцу Иерониму можно сказать о приезде ясновельможного пана?

Эдвард несколько мгновений колебался, затем утвердительно кивнул головой. Могельницкие остались одни. Эдвард подошел к жене.

– Прости меня, Эдди, но я не понимаю, зачем тебе понадобился отец Иероним? Не могу же я в самом деле поверить, что ты решил исповедоваться ему в своих грехах! – Она звонко рассмеялась.

Эдвард нежно обнял ее.

– Разве тебе неприятен отец Иероним?

– Нет, но немного странно. О твоём приезде не знают ни отец, ни брат, ни Стефания.

– А отец Иероним получает особое приглашение. Пусть тебя это не удивляет. Я не мог ночью будоражить всех. Ведь в доме немцы, ну, а я... французский офицер. Ты же понимаешь, Людвись? Завтра я должен выехать в Варшаву, и чем меньше будут знать о моем приезде, тем лучше,

– Как, опять уедешь?

– Я скоро вернусь, Людвись.

– И вот вместо того, чтобы провести со мной эти часы, ты зовешь противного иезуита.

Эдвард улыбнулся.

– Отец Иероним мне нужен для одного поручения. Это неинтересные для тебя дела. Ты прости меня, но, когда отец Иероним придет, нам нужно будет поговорить с ним наедине. Он что-то там просил у кардинала. Так, церковные дела... Это его секрет, и ему будет неприятно чье-либо присутствие. А пока разреши задать тебе несколько вопросов.

– Я слушаю, Эдди.

– Скажи, этот майор обедает вместе с вами?

– Да, папа и Стефания приглашают его к столу. Он ведет себя безукоризненно. Довольно хорошо говорит по-французски... Только иногда он приводит с собой еще одного офицера, обер-лейтенанта Шмультке. Такой грубый баварец. Если бы ты слышал его вульгарные, неуклюжие комплименты! И всегда дает понять, что не мы здесь хозяева, а они. Папа говорит, что Шмультке оказывает ему большие услуги, но мне он все-таки очень неприятен...

Эдвард угадывал за ее словами что-то большее, чем то, что она сказала, и брови его медленно сдвинулись. Людвиг уловила настроение мужа и прикоснулась кончиками пальцев к его бровям, сглаживая резкую поперечную складку на лбу. Это молчаливое прикосновение всегда мирило их без слов.

Когда вслед за тем ее пальцы приблизились к его губам, он невольно засмотрелся на игру камней ее перстня.

– Людвись, где ты хранишь свои драгоценности?

Ее пушистые ресницы удивленно взметнулись.

– Странно, Эдди! Ты не спрашиваешь о том, как жила я эти три года, а интересуешься...

– Ты ребенок, Лю... Я спросил об этом потому, что мне нужно знать, какими ценностями мы с тобой располагаем. Потом я скажу тебе, зачем это нужно. Ты не помнишь, сколько стоили раньше твои бриллианты в золотых рублях?

– Как-то мама говорила тете, что драгоценности, данные мне в приданое,

стоят около ста семидесяти тысяч. А сколько стоят бриллианты, которые ты подарил мне, – это ты знаешь.

Эдвард быстро прикинул в уме: «Сто семьдесят плюс сто двадцать – двести девяносто тысяч. Бочонок с золотыми десятирублевками, зарытый в парке, – еще двести тысяч. Шестьсот тысяч франков во французском банке. Двенадцать тысяч марок в моем кармане... Вот все, что можно считать деньгами. Приблизительно около миллиона золотых рублей. Из этого Людвиге и мне принадлежит лишь половина. И это все, что осталось от семи миллионов моего личного состояния!.. Ведь трудно сейчас считать капиталом девять тысяч десятин земли, экономии и фольварки, паровую мельницу, кожевенный завод и тысячу шестьсот десятин леса, когда все трещит по швам и грозит развалиться. За все это еще надо бороться... А пока мы владеем полмиллионом золотых рублей, и это на худой конец лучше, чем ничего».

За дверью послышались чьи-то голоса и смех.

– Владек, научись, наконец, вести себя прилично! – уговаривал кого-то женский голос.

В ответ послышалось хихиканье.

– Это Стефа и Владислав, – тревожно зашептала Людвиге. – Юзеф передал им, что я нездорова, а они все-таки пришли.

Эдвард вошел в спальню жены, увлекая ее с собой. Быстро открыл дверь в свой кабинет.

– Пока ничего им не говори и постарайся поскорее выпроводить, – сказал он, закрывая дверь.

– Что с тобой, дорогая? Ты, говорят, нездорова? – затараторила Стефания, входя в комнату.

Вслед за ней, словно на коньках, вкатился Владислав Могельницкий.

– Но она, как всегда, очаровательна, клянусь честью! – закартавил он и, ловко обогнув Стефанию, подлетел к Людвиге.

Когда его липкие губы прикоснулись к ее руке, Людвиге, как всегда, ощутила чувство брезгливости. Она и сама не знала почему, но этот белобрысый юноша, по мере того как он вырос из мальчика в мужчину, становился ей все более и более противен.

– Как видишь, Людвись, уйма денег, потраченных на воспитание нашего шурина, пропала даром. Он, словно жокей на скачках, всегда стремится выскочить первым! – с полупрезрительной улыбкой сказала Стефания.

Владек самодовольно поправлял свой галстук-бабочку.

– Быстрота и натиск – девиз великих полководцев! – И, переводя неприятный разговор на другую тему, Владислав предложил Стефании показать Людвиге только что полученное ею от мужа письмо.

– Что пишет Станислав? – заинтересовалась Людвиге и, обняв Стефанию за плечи, села рядом с ней на диван.

Владек уселся напротив и с видом знатока рассматривал полные, затянутые в шелковые чулки икры Стефании и стройные ноги Людвиге.

– «Милая моя Стефочка, – читала Людвиге нарочно громко, чтобы Эдвард в своем кабинете мог все слышать, – наш штаб находится сейчас в Киеве, Это большой и достаточно культурный город, есть недурная опера. Вчера, например,

мы слушали «Фауста», и наш полковник, старикашка Беклендорф, удивлялся: «Совеем как в Мюнхене! А ведь варварская страна, кишата бандитами». Я уже писал тебе, что, когда мы занимали город Острог, я получил двухнедельный отпуск и отправился в наше вольинское имение в Малых Боровицах. Ты не можешь себе представить моей ярости от всего, что я там застал. Дом разграблен комнаты пусты, стекла выбиты. Даже железо сорвано с крыш. Все машины расхищены. На фольварке лошади и скот забраны крестьянами, хлебные амбары разбиты. И ничего, кроме ободранных построек. Кругом грязь и запустение.

Управляющий убит, служащие разбежались. При помощи взвода франкфуртцев, занимающих Боровицы, я произвел следствие и обыски. Отец Пансий, русский священник, у которого я остановился, рассказал мне, как и кем производился грабеж имения. По его совету мы сделали в деревне повальный обыск. Конечно, то, что мы нашли, – жалкие остатки. Все разместилось в трех комнатах. Я предложил франкфуртцам перебраться в наш дом. Начальник гетманской варты⁴ (Помнишь сына корчмаря Мазуренко?) со своей семьей тоже переселился в наш дом. Я назначил его временным управляющим имением. Он оказался очень полезным и услужливым парнем. Он поклялся мне вернуть в имение все до последней щепочки. Лучшего управляющего за тридцать марок мне сейчас не найти. На селе он всех знает и все, что можно вернуть, – вернет.

Франкфуртцам и ему удобнее жить в стороне от деревни – здесь они все вместе и в случае нападения им легче защищаться. Кстати сказать, кругом кишат партизанские банды. К сожалению, все, на кого мне указал священник, перед нашим приходом ушли в леса. Осталось только «быдло». Чтобы этим негодяям неповадно было больше грабить, я приказал Мазуренку наиболее вредных выпороть. Конечно, я при экзекуции не присутствовал...»

– Какой ужас! – прошептала Людвига, опуская руку с письмом на колени.

– Да, это совершенно разорило Станислава и Стефу. В Боровицах хоть постройки остались, а галицийское имение совсем сожжено. Я только не понимаю, чего он там разминдальничался? Я бы перевешал полсела, забрал бы весь скот, коней и хлеб у этих животных, – подхватил Владислав.

– Я говорю, что ужасно, когда избивают плетью людей, может быть, ни в чем не повинных. И это делает Станислав! Я не знаю... Но это недостойно истинного аристократа, – взволнованно прервала его Людвига.

– Тебе хорошо так рассуждать! У вас с Эдвардом все цело, а мы со Станиславом теперь почти нищие, – вспыхнула Стефания.

– Интересно знать, что ты хотела сказать словами «истинные аристократы», – всплеснул Владислав. – Неужели только вы, Чернецкие, достойны этой чести?

– Хватит, Владек, хватит! – замахала руками Стефания. – Я вижу, вы не хотите слушать письмо.

Она была дочерью лесопромышленника, которому его миллионы неплохо заменяли дворянский герб, и петушина заносчивость Владислава, всегда казавшаяся ей смешной, сейчас раздражала ее.

Владислав еще что-то хотел сказать, но в дверь постучали; вошедший рослый слуга доложил, что его сиятельство желает видеть ясновельможную пани, и почтительно посторонился, пропуская тучного, обрюзгшего старика, который медленно, с трудом волоча ноги, вошел в комнату.

«Сейчас придет Юзеф с отцом Иеронимом, а тут, как нарочно, все сошлись